

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Сибирские рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Сибирские рассказы / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 242 с.

ISBN 978-5-519-95146-3

Содержание. Сибирские орлы; Главный барин; Зверство; На перевале; Не
у дел; Подснежник; Клад; Морок; Приисковый мальчик; Крестник; Удивлен-
ный человек; Мизгирь

ISBN 978-5-519-95146-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сквозь съ такимъ страннымъ блескомъ. Онъ не протягивалъ руки, не корчилъ жалобной рожи, а требовалъ, какъ должнаго. Получивъ какую-то мелочь, онъ спокойно проговорилъ:

— А какъ вы полагаете, сколько мнѣ лѣтъ?...

— Лѣтъ семьдесятъ...

— Извините-съ: ровно восемьдесятъ. Да-съ... Георгію Самсоновичу восемьдесятъ и мнѣ восемьдесятъ: по годамъ мы съ нимъ равны. Евангельскій богачъ и убогій Лазарь, а годы равны-съ... Не правда-ли, какое странное совпаденіе-съ?.. Даже и не Лазарь, а самъ Іовъ въ дни его несчастія... Вы слыхали про заболотскаго полиціймейстера Неупокійникова? Нѣтъ? Жаль... Онъ къ вашимъ услугамъ.

Эта манера называть Мансвѣтова по имени и отчеству: Георгій Самсоновичъ—выдавала стараго проходимца головой. Выгнанный со службы, сибирскій чинъ сказался въ двухъ словахъ. Дескать и мы въ свое время были съ Георгіемъ Самсоновичемъ за панибрата, когда еще онъ и т. д. Это обычный пріемъ столичныхъ трактирныхъ жуликовъ и сибирскихъ чиновниковъ не у дѣлъ. Мнѣ лично такой оборотъ разговора очень не понравился, гораздо хуже того, что человѣкъ позаимствуетъ у васъ нѣсколько крейцеровъ. Русскій человѣкъ ужъ такъ устроенъ, что настоящему бѣдняку не подастъ, а вотъ такому субъекту посовѣстится отказать, и мнѣ было обидно за себя, что я не отказалъ полиціймейстеру Неупокійникову. Къ довершенію всего, старикъ отправился безъ стѣсненія прямо къ буфету третьяго класса и развязно потребовалъ рюмку водки. Оставалось ждать, какъ онъ заявится опять, дохнетъ

прогорѣлымъ виномъ и фамиллярно подсядетъ. Явилось даже малодушное желаніе куда-нибудь спрятаться, но это было невозможно: вокзалъ былъ не великъ, а до поѣзда оставалось еще полчаса.

— Я тутъ у знакомаго попа гостилъ, а теперь пробираюсь въ Питеръ... заговорилъ возвратившійся старикъ, дѣйствительно подсаживаясь ко мнѣ на дубовый диванчикъ.—Скитаюсь изъ страны въ страну... взыскующій града... да.

Я очутился въ довольно глупомъ положеніи, но потомъ подумалъ: что-же, вѣдь, онъ меня не съѣстъ въ эти полчаса. Пусть его поговорить, если хочется...

— Вы долго служили въ Заболотьѣ?—спросилъ я.

— Да порядочно таки... И въ Восточной Сибири служилъ, и въ Западной, а кончилъ Заболотьемъ. Очень любилъ я хорошихъ лошадей... Самъ выѣзжалъ. Да... Интересно, узнаетъ меня Георгій Самсоновичъ или не удостоитъ. Когда онъ вѣнчался, въ коляскѣ у него была заложена моя пара... Только выѣхали изъ церкви молодые, я ѣду впереди, какъ полиційместерь, а кучеръ-ворона и распусти возжи... ну, лошади понесли коляску, а я выскочилъ изъ своего экипажа и остановилъ. Тройку на полномъ ходу останавливалъ... Мы, казаки, около лошадей съ дѣтства, такъ оно привычное дѣло.

— Вы изъ какихъ казаковъ?

— А изъ сибирскаго казачьяго войска... Какъ-же, казакъ съ ногъ до головы. И землю свою имѣю, но только земля-то спорная. Ёду хлопотать... Да. Такъ Георгій Самсоновичъ тогда меня на свадьбѣ изъ щеки въ щеку расцѣловалъ.. Мы съ нимъ

давно знакомы были, когда я еще тюремнымъ смотрителемъ на чернорѣчинскомъ заводѣ служилъ. Это рукой подать отъ Заболотья и въ чернорѣчинскомъ заводѣ была каторга. Да... Упразднена въ 1863 году.

— Какой-же это заводъ былъ?

— Винокуренный, казенный-съ... Это еще при откупахъ было. Нѣсколько такихъ заводовъ было въ Сибири, и казна сдавала ихъ въ аренду. Георгій-то Самсоновичъ и арендовалъ тогда чернорѣчинскій заводъ. Можно сказать, что тамъ были ихъ первые шаги... Потомъ ужъ они развернулись до необъятности. Еще и теперь въ чернорѣчинскомъ заводѣ на берегу три березки стоятъ, а подъ ними Георгій Самсоновичъ любили вечеркомъ посидѣть и помечтать-съ. Да-съ... Подъ этими березками, можетъ быть, какія мысли-то обдумывались?.. Я вамъ скажу прямо: Георгій Самсоновичъ геній... и я ихъ боготворю. Вчуже сердце радуется и точно самъ молодѣешь... Вотъ какіе прежде-то люди были: орлы. Да-съ... И взглядъ орлиный имѣли, прямо сказать. Когда Георгій-то Самсоновичъ арендовали чернорѣчинскій заводъ, такъ рабочіе были все каторжные. Другіе въ кандалахъ у заторныхъ чановъ стояли.. О чемъ я хотѣлъ сказать, позвольте...

— О Мансвѣтовѣ.

— Да, да... Извините, захлестываетъ у меня иногда, потому что и старъ, и дряхль, и обремененъ лѣтами. Дней-же моего странствія въ сей юдоли плача восемьдесятъ лѣтъ... Говорилъ ужъ я, кажется? Да, такъ о Георгіѣ Самсоновичѣ рѣчь идетъ. Былъ такой случай у меня. Я смотрителемъ каторги-то

былъ, такъ разъ ночью и докладываютъ, что въ общей камерѣ произошло убійство. Конечно, сейчасъ слѣдствіе, розыски, но ничего обнаружить невозможно. Извѣстно, каторжные... На слѣдующій день вызываю къ допросу всю камеру. Слѣдствія у насъ производились тутъ-же, въ конторѣ. Ну, выстроили въ шеренгу человѣкъ двадцать такихъ подлецовъ, что картина. — Знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ... По старымъ судамъ это много помогало. Бьемся день, бьемся другой, а толку все нѣтъ. На третій день въ каторжную контору къ намъ и заверни Георгій Самсоновичъ... Не нашли виноватаго? — Никакъ нѣтъ-съ! — Эхъ, плохо вы слѣдствіе производите... Ну-ка я не буду ли счастливѣе! Вышелъ это къ арестантамъ, обошелъ шеренгу, посмотрѣлъ на всѣхъ съиздали, а потомъ прямо къ одному подходитъ и прямо его по уху: — Твоихъ рукъ дѣло, подлець! Могучій былъ человѣкъ и никто не устаивалъ на ногахъ... Ну, арестантъ, извѣстно, свалился и сейчасъ на колѣни. Виновать, ваше благородіе... Вотъ какой взглядъ былъ у человѣка!

— Да, дѣйствительно... взглядъ..

— И другой случай былъ... Это ужъ въ Заболотьѣ. У одного чиновника въ домѣ появились вдругъ духи. Все бьютъ, все ломаютъ, по ночамъ стукъ и трескъ — житья не стало. Хорошо-съ... А чиновникъ-то не маленькій и, какъ семейный человѣкъ конечно, ему непріятно. Узналъ про духъ Георгій Самсоновичъ и говоритъ чиновнику: — хорошо, я, какъ-нибудь, заѣду познакомиться съ твоими духами... А самъ смѣется... Признаться сказать, онъ тогда еще вольтерьянцемъ былъ, и, какъ говорится,

ни въ бога, ни въ черта не вѣрилъ. Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, пріѣзжаетъ онъ къ этому чиновнику. Осмотрѣлъ расположеніе комнатъ, разбитыя зеркала, печи, а потомъ и говоритъ: дѣйствительно, духи у васъ очень ужъ расшалились. Чиновница тутъ-же стоитъ и слушаетъ въ оба уха, а Георгій Самсоновичъ попросилъ ее выйти на минутку и прислать няньку старуху, да горничную. Тѣ приходятъ, а Георгій Самсоновичъ къ нимъ и прямо: рразъ! рразъ!.. Ха-ха... Ну, конечно, сейчасъ-же повинились бабенки... Крѣпостныя были и хотѣли барынѣ досадить. Такъ я и говорю: вотъ какой взглядъ былъ у прежнихъ людей. А нынче куда... даже, знаете, смѣшно говорить-съ.

— Маленькіе нынче люди...

— Нѣтъ, вы послушайте, что дальше-то было... Эта самая горничная, которая духовъ изображала— изъ-за нея вотъ я въ настоящемъ видѣ и очутился. Послѣ того какъ пришла въ себя, ото всего отперлась, ну, попала ко мнѣ въ лапы на предварительное дознаніе... хорошо-съ.

Свистокъ подходившаго поѣзда прервалъ рассказъ сибирскаго орла на самомъ интересномъ мѣстѣ.

II.

Поѣздъ подходилъ, медленно и тяжело сдерживая свое движеніе. Слышно было, какъ дрогнула земля. Публика изъ вокзала высыпала на платформу. Нужно было видѣть, какимъ молодцомъ вытянулся жандармъ, какъ засуетился начальникъ станціи, а публика за-

мерла, впившись глазами въ вагонъ перваго класса, гдѣ въ отдѣльномъ купѣ ѣхалъ онъ. У публики есть инстинктъ угадывать присутствіе своего любимца— было два вагона перваго класса, но всѣ обратили вниманіе именно на второй. Онъ долженъ быть здѣсь... Сибирскій полиціймейстеръ, конечно, былъ впереди всѣхъ, и когда подходилъ поѣздъ, вытянулся во фронтъ и даже сдѣлалъ подъ козырекъ.

— Господа, не напирайте...

Большинство толпилось на платформѣ изъ любопытства, загораживая дорогу тѣмъ, кому нужно было явиться къ Мансвѣтову.

— Поѣздъ стоитъ тридцать минутъ!..—надреснутымъ теноркомъ выкрикивалъ кондукторъ, пробѣгая мимо линіи вагоновъ какой-то особенной дробной походкой, какъ ходятъ только половые въ московскихъ трактирахъ, да вымуштрованная желѣзнодорожная прислуга.

Мансвѣтовъ такъ и не показался изъ вагона. «Нужные люди» по очереди отправлялись къ нему на исповѣдь и быстро возвращались — магнатъ никого не задерживалъ. Сопровождавшая его свита подкрѣплялась въ буфетѣ и весело галдѣла на разныхъ языкахъ. Кого тутъ только не было... у Мансвѣтова было золотое умѣнье распознавать людей, и разъ попавшій къ нему на службу, могъ считать свою карьеру обезпеченной. Магнатъ не давалъ преимуществъ ни одной національности.

— Когда-же я-то, господа? — растерянно спрашивалъ Неупоконниковъ, напрасно стараясь попасть въ очередь.

— Послушайте, господинъ, да вамъ зачѣмъ?

Старику пришлось ждать долго, но онъ таки добился своего. Я видѣлъ, какъ онъ вышелъ назадъ, точно ошпаренный и шелъ по платформѣ, машинально повертывая свое кэпи въ рукахъ. Какъ мнѣ показалось, у него на глазахъ были слезы.

— Не узналъ... нѣтъ, не узналъ... бормоталъ онъ.—Конечно, гдѣ же узнать... столько лѣтъ...

Въ вагонѣ третьяго класса публики ѣхало не особенно много, такъ что на каждого нашлась свободная лавочка. Я помѣстился у окна и смотрѣлъ на летѣвшую мимо ленту полей, перелѣсковъ, овраговъ и насыпей. Поѣздъ мчался съ особенной быстротой—машинистъ понималъ, что везетъ цезаря и его счастье. На одной изъ маленькихъ станцій Неупокійниковъ отыскалъ меня и подсѣлъ на сосѣдней лавочкѣ. Въ теченіи какого-нибудь часа онъ точно постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ—сгорбился, съежился и даже, какъ будто, сдѣлался ниже. Водкой отъ него пахло по прежнему, но старческой молодцоватости не осталось и слѣда.

— Не узнали-съ... заявилъ онъ съ грустной ноткой въ голосѣ и махнулъ рукой.—Да и гдѣ-же узнать, помиуйте!.. Хуже...

— А что?

Старикъ оглянулся и хриплымъ шепотомъ добавилъ:

— Захожу-съ... Георгій Самсоновичъ полулежитъ на кушеткѣ... я ихъ сразу узналъ: одинъ взгляды чего стоитъ. Конечно, года... ну, орелъ, однимъ словомъ. На лицѣ этакая усталость и нѣкоторая задумчивость... Я остановился въ дверяхъ и только хотѣлъ отрекомендоваться, а они... Нѣтъ, совѣстно

даже выговорить! Георгій Самсоновичъ такъ вскользь взглянули на меня и трехрублевый билетъ подаютъ... Господи, что-же это такое?.. У меня даже горло сдавило, слова не могу сказать... Такъ и ушелъ, и деньги бросилъ: не могу. Отъ чужого возьму и даже самъ обращусь, а тутъ свой братъ... помилуйте, хлѣбъ-соль прежде водили...

— Онъ просто не узналъ васъ.

Старикъ опять оглянулся кругомъ, точно боялся засады, и уже на ухо мнѣ прошепталъ:

— Это я себя обманываю, что не узнали... Помилуйте, Георгій Самсоновичъ да не узнаетъ! Этакой-то орелъ... Сразу узнали, а мнѣ совѣстно стало... за нихъ, что они притворились. Ей-Богу... У нихъ все, у меня ничего и мнѣ-же совѣстно. И вдругъ: трешницу... А я, признаться сказать, недѣли двѣ проживался по здѣшнимъ мѣстамъ, чтобы встрѣтить ихъ — послѣдняя надежда, можно сказать... Теперь ужъ все кончено: если Георгій Самсоновичъ отвернулись, то чего ужъ ждать? *Finita la comedia*...

У старика опять выступили на глазахъ слезы, и онъ напрасно мигалъ красными опухшими вѣками, чтобы скрыть ихъ. Если женскія слезы возбуждаютъ сожалѣніе, то мужскія производятъ непріятное и жуткое чувство — нѣтъ, значитъ, выхода... Наступила пауза.

— Вы за что-же собственно пострадали? — спросилъ я.

— А... что?.. точно проснулся Неупокѣйниковъ. За что пострадалъ?.. Да очень просто: за эту горничную съ духами... Дѣйствительно, я шутить не любилъ, допросилъ ее собственноручно, а она и

умри... кто-же бы могъ подозрѣвать, что у простой дѣвки и вдругъ порокъ сердца?.. Тутъ ужъ на меня, имя рекъ, и налетѣли злые коршуны и давай щипать и вотъ, что произвели: нагъ, сиръ, гладень и хладень... Ну, отними все, возьми, но не дай въ конецъ погибнуть... да-съ. А то какъ уволили съ волчьимъ паспортомъ, по третьему пункту — и пропалъ. Находилъ и мѣста, и занятія, все ничего, а какъ дойдетъ дѣло до паспорта и увидить человѣкъ мой третій пунктъ—даже замычить. Да, я самъ не принялъ-бы самого себя никуда съ такою рекомендаціей.

— Кажется, подобныя исторіи въ Сибири довольно обыкновенны и пугаться третьяго пункта довольно странно.

— Да, вѣдь, Неупокѣйниковъ по третьему пункту уволенъ, а Неупокѣйникова вся Сибирь знаетъ, скажу не хвастаясь... Вѣриѣ: знала. Вѣдь нужно сказать вамъ, какъ я жилъ: князь... принцъ... Только въ сказкахъ можно прочитатъ. Въ Заболотѣ-то золотопромышленники и сивушные короли тогда развернулись... Господи, что было, что только было!.. Какіе люди, какое время... А горные инженеры? Представьте вы себѣ, что въ ничтожнѣйшемъ и жалкомъ городишкѣ вдругъ скопились десятки милліоновъ совершенно дикихъ денегъ... Великіе были люди: Аника Терентьичъ, Титъ Поликарпычъ... да мало-ли ихъ, всѣхъ не перечесть. И мы съ Георгіемъ Самсоновичемъ перебравшись: онъ свою линію повелъ, а я свою... Даже страшно выговорить: полиціймейстеръ въ Заболотѣ. Силища... Я и на службу поступилъ по приглашенію отъ золотопромышленниковъ: знали меня еще на каторгѣ-то. Мо-

лодь, красивъ, удалъ... Еще подходишь къ дамочкѣ, а она ужъ не знаетъ, куда ей дѣваться: сама не своя. Тройку на всемъ скаку останавливалъ... Нарочно за мной въ чернорѣчинскій заводъ изъ Заболотья посылали, потому что былъ еще у меня одинъ талантъ: русскія пѣсни никто лучше меня не умѣлъ пѣть. Развеселится компанія и за мной: спой, голубчикъ... Слушаютъ и плачутъ — вотъ какой голосъ Богъ даетъ человѣку. Да гдѣ-же вы найдете другого такого полиціймейстера?.. Ну, и попалъ сыръ въ масло: квартира первая въ городѣ, въ конюшнѣ двадцать лошадей, винъ цѣлый погребъ — и хлѣбосоль, и угодникъ. И вкусъ имѣлъ: ни одной хорошенькой вещички мимо не пропущу, вообще артистъ. И англійскій хрусталь, и китайская бронза, и японскіе лаки, и бухарскій шелкъ, и картины — все было. Домъ — полная чаша. Каждая горничная — пиши картину, а главный кучеръ — морское чудовище, ей-Богу. Голосина у него, у подлеца: какъ рявкнетъ на улицѣ — человѣкъ и оторопѣетъ.

— А больше-то всего любили меня, если говорить правду, за удалъ... Вѣдь сторона дикая, народъ-варнакъ, ходи, да оглядывайся, а у меня въ городѣ ни гу-гу. Каждую ночь переодѣнусь въ полушубокъ, подвяжу бороду и вездѣ побываю. Только скажешь бывало: — Неупоконникова знаешь? — Виновать, ваше-скородіе. Былъ такой случай. По тракту разбойничалъ татаринъ Карагузъ. Мужичина пудовъ двѣнадцати вѣсомъ. Одинъ обозъ останавливалъ... А взять его не могли... Не въ моемъ онъ участкѣ разбойничалъ. Ну, меня и поддразнили: Неупоконниковъ, возьми-ка Карагуза, ежели смѣлъ. — Я? Голыми ру-